

ПРОЛОГ

Из-за закрытых дверей жертвенного зала доносится стук барабана и тоскливые напевы, сменяющиеся громкими вскриками. Министры и Владыка ждут, когда придворная жрица выйдет, чтобы изречь пророчество, которое все ждали.

Тяжелые двери отворяются, и слышится низкий, нечеловеческий голос:

— В ночь, когда Черный дракон поглотит Луну, из огня родится дитя, которое станет спасением для народа Когурё.

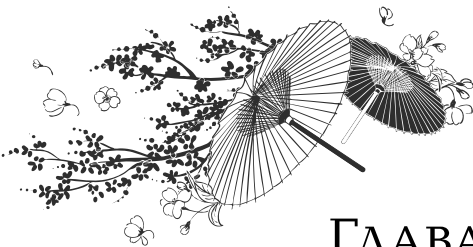
Министры низко кланяются и шепчутся:

— Это воин!.. Великий воин! Спаситель!

Закатное солнце выплескивает на небо алые краски. Народ выбегает на улицу, удивленно указывая наверх, — такого багрового заката никто не помнил. Огненно-красный шар тяжело опускается за горизонт. Четырехсотлетний дуб на вершине холма ловит последние лучи, и листья становятся рубиновыми, словно их забрызгали кровью.

Весь мир замирает в ожидании...

ГЛАВА 1

Кымлан

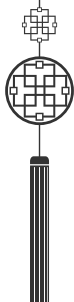
Шестнадцать лет спустя

Запахи и звуки медленно возвращались вместе с парализующей болью. Острой и истязавшей, будто дикое животное рвало зубами левое плечо. И этот же зверь вдруг вспорол сердце опустошающей мыслью: «*Что с принцем Науном?*»

Кымлан с усилием разлепила тяжелые веки и попробовала пошевелиться. От малейшего движения жестокий хищник вновь вонзил клыки в плечо, и девушка инстинктивно дернулась, чтобы дотронуться до раны, но не смогла: что-то сковывало запястья заведенных за спину рук. Осторожно пошевелив пальцами, Кымлан поняла, что связана. Тугие веревки безжалостно впивались в кожу, причиняя еще большие муки. Невыносимо хотелось пить.

— Кымлан! — услышала она знакомый шепот, и перед глазами возникло перемазанное грязью и кровью лицо Чаболя. — Ты очнулась! Слава Небесам!

Кымлан попыталась осмотреться, но ничего не вышло. Она лежала на боку, и угол обзора был

ЛИ ТЭМУЛЬ

слишком мал, чтобы определить их местонахождение. А подняться мешали связанные руки и адская боль, обжигающая плечо. Она видела только испуганное лицо друга, — его узкие глаза стали почти круглыми от страха и облегчения одновременно. Запах крови, кожаных доспехов и потных тел неприятно щекотал ноздри. Опираясь здоровой ладонью на покрытую колючей соломой землю, Кымлан попыталась привстать, но тут же повалилась обратно, едва сумев сдержать за сжатыми зубами болезненный стон. Тяжело дыша, она уткнулась лицом в воняющий испражнениями настил и вновь посмотрела на Чаболя.

— Нас взяли в плен? — Кымлан не узнавала собственный голос — настолько он прозвучал глухо и хрипло. — Что с Его Высочеством?

— Бог Когурё¹ не оставил его. Ему удалось сохранить дань и скрыться. — Чаболь на коленях подполз ближе, боязливо озираясь. Какой трусишка! И как его угораздило стать солдатом? Лучше бы занимался врачеванием, как и его отец, — куда больше толку. Кымлан улыбнулась, несмотря на мучительную боль, и дикий зверь, вонзивший когти в ее сердце, немного ослабил хватку.

«Принц в безопасности, а это главное».

— Сколько нас?

¹ Протокорейское государство, существовавшее в период 15 г. н. э.— 668 г. н. э. События в романе происходят в начале V в. н. э. в период расцвета Когурё. (*Здесь и далее прим. автора.*)

Дерево красной птицы

— Пятнадцать, включая нас с тобой. — Нас-торожено втянув голову в плечи, Чаболь наклонился ближе.

— Есть раненые? — Кымлан по привычке задавала вопросы, чтобы хоть немного отвлечься от боли, которая будто поняла, что хозяйка пришла в себя, и начала набирать обороты.

— Двое тяжело, у троих легкие царапины, остальные целы. Ты тоже неважно выглядишь, тебе нужен лекарь, да боюсь, что эти дикари не помогут. — По-детски пухлые губы Чаболя сложились, как грустный полумесяц.

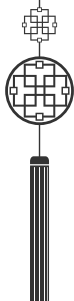
— Значит, это были не разбойники, — почти утвердительно сказала Кымлан, вытягивая воспоминания из замутненной памяти, как тяжелое ведро из глубокого колодца. Вспышки произошедших событий оглушали взвившейся внутри яростью.

«Да как посмели эти варвары напасть на принца Когурё?!»

— Нет, — печально подтвердил ее догадку Чаболь. — Уверен, мохэсцы¹ задумывали это с самого начала.

— Поэтому и прикинулись такими любезными, когда мы приехали за данью. — Кымлан стала оживать, пытаясь связать все ниточки во-

¹ Народ, живший на севере Маньчжурии. По разным источникам было пять, семь и больше мохэских племен. В этом романе используется версия с пятью племенами. У каждого племени имелся свой вождь.

ЛИ ТЭМУЛЬ

едино и, что самое главное, придумать, как им спастись. — Недаром Его Высочеству сразу показалось странным, что они так легко отдали пять тысяч боевых коней.

Для мохэ это было огромной потерей, но вождь и слова поперек не сказал — только улыбался и кланялся принцу, уверяя его в преданности всех пяти кланов.

— Принц нас не бросит, — зашептал Чаболь, глядя на Кымлан отчаянными глазами, — особенно тебя. Он обязательно придумает, как нас вытащить!

— Что за вздор! Даже не думай об этом, мы не должны обременять его, — строго произнесла Кымлан, хоть и не смогла потушить вспыхнувшую в душе искру надежды, что Наун спасет их. Она слишком хорошо его знала. Он не бросит в беде своих людей и свою... Кем Кымлан была для него? Соратницей? Подругой детства? Или же... любимой женщиной? — Сами выберемся.

Кымлан попыталась оценить обстановку, но увидела лишь толстые жерди клетки, сквозь которые можно было различить перевязанные грубой бечевкой сапоги охранников.

— Где мы? В мохэском городище? — процедила она, борясь с то и дело подступающей тошнотой.

— Не уверен. — Чаболь удрученно покачал головой. — После нападения нам мешки на головы надели. Но везли недолго. Похоже, это их военный лагерь, — он кивнул куда-то за спину Кым-

Дерево красной птицы

лан. — Куда ни глянь, везде шатры, огни и куча воинов.

— Что еще можешь сказать о местности?

— Солнце село за невысокие холмы. Судя по всему, за ними и начинается дорога на Когурё, так что мы на самой окраине мохэских земель.

— Сколько тут охраны? — В ее голове роились возможные способы побега.

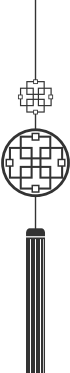
— Шесть человек по периметру, — ответил Чаболь, осторожно оглядываясь.

Почему их не убили? Для чего взяли в плен? Неужели мохэцы надеялись использовать пленников, чтобы что-то получить от Когурё?

Кымлан знала, что Владыка ни за что не пойдет на поводу у варваров, кого бы они не захватили в заложники — хоть младшего принца Науна. И с болью представляла отчаяние Науна. Она все яснее понимала, что Совет не позволит ему спасти своих людей, ведь против их жизней на кону стояла честь, репутация и благополучие Когурё.

— Мохэцы считают, что ты важная птица, — прошептал Чаболь, наклонившись так низко к Кымлан, что его нос едва не коснулся ее щеки. — Пока ты была в отключке, сюда приходил их командир, внимательно рассматривал твои доспехи. Похоже, они решили, что схватили молодого генерала. Нужно любой ценой сохранить в тайне, что ты женщина, иначе... — Чаболь не договорил и в ужасе зажмурился, но Кымлан и так поняла, что он имел в виду. От этой мысли что-то судорожно дернулось в ее пустом желудке.

Время тянулось медленно. Им принесли воды и какую-то отвратительную похлебку в деревянных, грубо сделанных плошках. Ели они по очереди. Кымлан ненавидела свою беспомощность и неподвижную руку, пока развязанный на время Чаболь кормил ее, словно ребенка. Омерзительная еда не лезла в горло, но она понимала, что нужно проглотить хоть что-то, чтобы набраться сил. Над головой раздавались голоса охраны, но Кымлан не понимала ни слова на незнакомом языке. Если выберется отсюда, то обязательно выучит мохэский.

Внезапно кто-то схватил ее за воротник и, как беспомощную куклу, дернул вверх. Перед лицом предстали жадные, дикие глаза караульного и растянувшиеся в хищном оскале губы. Не понимая, в чем дело, Кымлан инстинктивно ощутила, что случилось что-то страшное. Она покосилась в ту сторону, куда был направлен взгляд стражника, и увидела свой прорезанный доспех, из-под которого виднелась залитая кровью ткань, перетягивающая грудь. Тягучая волна страха огнем скользнула вдоль ее позвоночника.

Она раскрыта...

Чаболь нервно метался где-то под ногами, но Кымлан не могла отвести глаз от безумного, звериного лица мохэсца. Она заледенела и даже, казалось, перестала чувствовать боль в раненом плече.

Сзади к караульному подошел еще один, и они обменялись негромкими фразами. Гадко ухмыль-

Дерево красной птицы

нувшись, вцепившийся в нее варвар слегка кивнул напарнику и потащил Кымлан к кривой, уродливой двери — к выходу из клетки. По плотоядному выражению их лиц нетрудно было догадаться, что именно они собирались делать.

— Куда вы его тащите? Отпустите, кому говорю! Да вы хоть знаете, кто это? — отчаянно, на одной ноте запричитал Чаболь и, судя по звуку, пополз следом. — Не смейте! Если с ним...

Позади послышался глухой удар, и голос друга смолк, словно его отсекли мечом.

От страха за себя, близкого человека и свое будущее Кымлан впала в оцепенение. Она пыталась повернуть голову, чтобы убедиться, что Чаболь жив, но не смогла. Сдавленно ругаясь и желая оказать хоть какое-то сопротивление, она услышала отдаленные крики и топот нескольких пар ног. Стражники остановились так резко, будто наткнулись на невидимую преграду, и Кымлан уловила впереди какое-то движение.

В нескольких шагах от них стоял высокий молодой мужчина в окружении череды воинов, с готовностью обнаживших мечи. Он что-то громко сказал солдатам, которые крепко держали Кымлан с двух сторон, и ее «проводжатые» недовольно заворчали. Однако перемена в их настроении была очевидна, и у Кымлан забрезжила слабая надежда, что ее не тронут. Воин перед ней был одет иначе, чем рядовая охрана, — очевидно, он важная персона в племени. Сейчас Кымлан отдала бы все на свете, лишь бы узнать, о чем они говорят.

В любом случае, стража нехотя повиновалась и отпустила «добычу», которая едва устояла на ногах. Вся кровь будто разом отлила от сердца и теперь болезненно пульсировала в ране. В глазах темнело. Спасший ее воин возродил потухшую было надежду на спасение. Если бы ее хотели убить, то не стали бы мешать караульным, а значит, пленница для чего-то была нужна.

— Сама идти сможешь? — вдруг на чистейшем когурёском спросил молодой воин, хмуро оглядывая едва живую девушку. Его лицо было мягче, чем у мохэсцев, чьи острые, диковатые черты казались Кымлан отталкивающими.

— Да. — Она хотела задать множество вопросов, но смогла выдать только это.

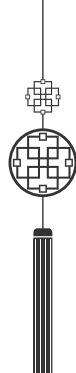
Мужчина кивнул и, цепко взяв за здоровое плечо, повел ее мимо притихших солдат куда-то в темноту. Что он собирается делать? Куда ведет? И откуда здесь, во вражеском племени, взялся когурёсец?

Чаболь оказался прав: их в самом деле держали в небольшом гарнизоне, где, судя по всему, была сосредоточена лишь малая часть армии мохэ.

Миновав расставленные шатры, они подошли к деревянным укреплениям, которыми заканчивалась территория лагеря. Впереди темной грядой маячили толстые стволы деревьев, а за ними — густой лес. Кымлан едва переставляла ноги, сосредоточившись на том, чтобы не упасть. Ночь была так черна, что она не видела ничего в пределах двух шагов. От напряжения кровь стуча-

Дерево красной птицы

ла в висках, а безумная мысль о побеге не давала покоя. Но Кымлан понимала, что пытаться бежать здесь, в совершенно незнакомой местности, и в ее состоянии равносильно самоубийству. Лучше не злить провожатого и выяснить, чего от нее хотят.

Вскоре лес закончился, и Кымлан увидела много ярких огней впереди. Значит, ее ведут в одно из многочисленных селений мохэ. Языки пламени в каменных чашах, освещавших едва выглядывающие из земли крыши домов, метались перед глазами, как смазанные пятна. Голова горела, словно в адском пламени, а желание сделать глоток воды стало невыносимым. Силы иссякли настолько, что хотелось просто упасть и забыться. Прекратить эту бессмысленную борьбу и наконец почувствовать блаженное умиротворение и покой. Но стоило только подумать о Чаболе и других пленных, и Кымлан поняла, что не может позволить себе сдаться. Если ей суждено умереть, то перед смертью она должна хотя бы попытаться спасти друзей. Сделать хоть что-то, чтобы на другом берегу реки Вечности без стыда смотреть в глаза матери, некогда отдавшей за нее свою жизнь.

Мысли о скорой смерти вяло понесли ее разум туда, где осталось все, что она так любила — в родное Когурё. В теплый дом отца, для которого Кымлан стала единственной отрадой после гибели жены; в королевский дворец, где она нашла настоящую дружбу и впервые испытала любовь; к широким разливам рек и скалистым холмам.

